Александр Благословенный в Вологде

ВОЛОГДА
ТОО
«АНДРОГИН»
1993 г.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!..

А. С. Пушкин.

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
Р. БАЛАКШИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Река времени не течет прямо. В наши дни, у нас на глазах, в России завершился советский эпизод ее истории.

Считалось, что Советская власть являет собой республиканский образ правления. Такое суждение ошибочно. Это была довольно своеобразная, приноровленная к русской почве структура власти, именовавшая себя республиканской. Но об этом ниже.

Сейчас у нас снова година потрясений. Россия вновь на распутье. Как быть, куда идти? Прежние структуры власти оказались не хороши, изжили себя, нужно создавать новые. Но не успел русский народ как следует обдумать свое положение, поразмыслить, что к чему, как ему тут же, как соломинку утопающему, сунули под руку образ правления, процветающий в Западной Европе—президентский, парламентский.

Однако на соломинку возлагать большие надежды глупо, она в деле спасения вещь ненадежная, и как ни тянет в панике ухватиться за нее, она рано или поздно неизбежно оборвется, и мы опять (быть может, снова лет через 70) будем барахтаться в погибельном омуте отчаяния и беды.

Поэтому, пока есть время, пока не поздно, мы должны вспомнить о том образе правления, который издревле существовал на Руси, при котором Россия была великой и—что самое главное для государства и народа—независимой, самостоятельной державой. Это образ правления монархический, самодержавный.

Нам не дано знать, как дальше потечет история России, но все же мы должны заметить, что монархия—наиболее древняя в истории человечества форма организации общества. Великие республики древности (Греция, Рим) начинались с монархии и закономерно возвращались к ней. Это естественный, натуральный образ управления человеческим обществом.

Мы не сыщем ни одной русской пословицы и поговорки о президенте и парламенте, поскольку эти понятия глубоко чужды нашему народу. Зато о Царе, о царской власти в сердце народном родилось много прекрасных мыслей.

Без Бога свет не стоит, без Царя земля не правится. Где Царь, тут и правда. Народ ясно давал себе отчет о происхождении царской власти. Царь, царство даются и отнимаются Богом.

Народ думает, а Царь ведает. Без Царя народ сирота. Народ — тело, Царь — голова. Хотя Господь и дает Царю власть, но Царь без народа—ничто, как голова без тела. Так же и народ без Царя, без верховного водителя обречен на сиротство, безпутную жизнь и всякие горести.

Осознавая величие царской власти, народ видел и тяготы ее, суровый царский жребий. Ни солнышку на всех угреть, ни Царю на всех угодить. Царь да нищий без товарищей. Горечь последней пословицы, когда человек, обладающий всей мощью державной силы, вдруг неожиданно уравнивается с малосильным, безправным побирушкой, трагически подтвердилась на судьбе Царя-мученика Николая II и Его семейства.

Необходимо внимательней присмотреться к понятию монархии, самодержавия, чтобы увидеть его многие привлекательные черты.

Монархия предпочтительней для блага государства. При этом строе человек по наследственному, неоспоримому праву с детства готовился стать Царем, проходил всестороннюю подготовку (все русские Цари, без исключения, были широкообразованными, даровитыми людьми), в основе которой лежала прежде всего идея патриотическая—служение Отечеству, ответственность за вверенное государство перед Богом. В республиканском выборном государстве, в котором, благодаря соблазнительной, ложной мысли о равенстве, теоретически любой человек может стать главой государства, к власти рвутся и пробиваются люди, зачастую одаренные не государственными, а митинговыми, бойцовскими, демагогическими качествами. Оказавшись на вершине власти, чувствуя, что он не способен полноценно управлять страной, такой человек поневоле окружает себя легионом советников и консультантов. При республиканском строе особенно сильно влияние чуждых, а порой и враждебных государству сил, или, как точно сказал И. А. Ильин, мировой закулисы. При монархии это влияние затруднено, а чаще всего невозможно. За редчайшим исключением, все русские Цари были патриотами, для которых смыслом жизни было благо России.

При монархическом строе человек служит не партии, не какому-то общественному течению, в угоду ему подавляя все прочие течения и партии, а всей стране. Именно служит, а не только начальствует и повелевает. Это служение основано на взаимности. Когда ближние и дальние люди стали пренебрегать этим долгом службы и впрямую отказываться исполнять его, лишь тогда Государь Император Николай II счел нужным отречься от престола. Мало решимости и железной воли, чтобы управлять государством, нужны неленостные помощники, нужны душевные со-служивцы.

Из понятия царской власти, как власти отца в семействе, вытекает понятие Отечества, как единого для всех дома. Не казармы, не лагерного барака, куда люди заключены для временного пребывания, а общего жилища, откуда люди не собираются никуда ни уходить, ни уезжать, а хотят сделать жилище свое еще лучше и краше. Дом, семья —эти родственные отношения естественны для монархии, самодержавного устройства общества и чужды республиканскому образу правле-

ния. Из глубины веков, из сказок и былин, исторических песен и преданий слышится нам ласковое: царь-батюшка, надежа, заступа, оборона. Из наших руководителей никто за 70 лет не удостоился такого имени. Справедливости ради, должно заметить, что спервоначалу новоявленные управители земли русской все же ощущали родственность, семейственность самодержавной власти. Недаром они так часто любили фотографироваться с детьми и выставлять это напоказ. Широкоизвестны фотоснимки с детьми Ленина и Сталина. Но чем дальше уходила Россия от своих истоков, тем стремительней это чувство слабело, и вот уже изредка виден с детьми Хрущев, эпизодически Брежнев, и уже никогда—Андропов, Горбачев, Ельцин. У державного руля стоят холодные чиновники, управляющие государственным механизмом, а не живущие в народной семье.

Главным чувством, скрепляющим дом, семью, является любовь. Невозможно любить Верховный Совет, парламент, президента, который сегодня правит, а завтра его и след простыл. Любовь более длительное, основательное чувство, не подчиняющееся циклам избирательных кампаний. Здесь уместно сказать о том феномене, что Советская власть была своего рода противоестественным гибридом республики с самодержавием. По форме, казалось бы, руководители страны избирались, а по сути дела все они занимали государственные посты пожизненно.

Все в государственной жизни держится любовью, а не страхом. Поклоняться, благоговеть, почитать можно только отца, для которого управление державным домом не эпизод в его политической жизни, а вся жизнь без остатка, и политическая, и семейная. Чиновника слушаются, ему подчиняются, покоряются, в конце концов, но его не любят. А если и любят, то любовью привычки, как это было со Сталиным. Исчезает привычка, улетучивается любовь.

Наши недруги знают—Царь опора России. С Царем она—великая держава, защита слабым, гроза насильникам и злодеям. С Царем Россия стоит как необоримый утес, а без Царя мятется и шатается.

Нужно, чтобы Русским домом правил хозяин, а не временщик, как бы его ни называли—генсек, президент и т. д. Потребность в отце, в заботливом, рачительном хозяине жива в народе. Как отдаленный отзвук веры в милосердного царя-батюшку в опустевших деревнях у старушек, уже в который раз обманутых и преданных, едва ли не по соседству с иконами висят глянцевитые портреты «благодетелей» со звездами и депутатскими флажками на груди.

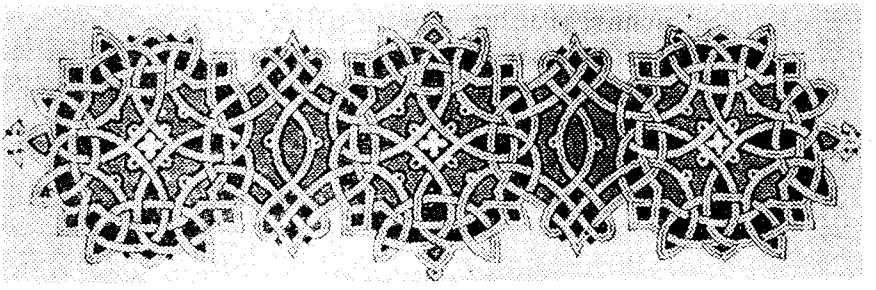
Возрождение России, восстановление ее чистого образа невозможно без возрождения любви к Царю, поистине избраннику народному. Одним из первых, малых шагов в возрождении этого, утраченного нами чувства, смеем надеяться, будет служить эта книжка.

Вчитайтесь, прочувствуйте, как относились русские люди к Царю, Самодержцу, Хозяину, Помазаннику Божиему. Вглядитесь, какой нежной любовью и благоговением проникнута каждая строка, повествую-

щая о недолгих днях пребывания Государя Императора Александра Павловича Благословенного в нашем родном городе.

В публикуемых текстах произведены минимальные сокращения, касающиеся частых повторов. В очерке И. Евдокимова опущены неудачные на наш взгляд цитаты стихов А. С. Пушкина. Все подстрочные примечания для удобства набора перенесены в конец текста. В скобках указываются современные названия улиц и зданий, где был Император. По возможности сохраняется старая орфография: приставка без- перед глухими согласными, употребление прописных букв и т. п.

Составитель.



Император Александр I Благословенный в Вологде

По смерти Петра Великого, в продолжении ста лет, Вологда не имела счастья видеть никого из своих Венценосцев. Это счастье принес ей 1824-й год, в котором Император Александр Благословенный, путешествуя по северо-восточным областям империи, посетил и Вологду, пробыв в ней двои с половиной сутки, с вечера 15-го по утро 18-го числа месяца октября. Приводим описание этого достопамятного в истории нашего города события (1):

«1824 года, в исходе лета, заметно было в Вологде какое-то радостное движение; все показывало деятельные приготовления, и древний город наш, знакомый семи векам, быстро изменял свой наружный вид, как будто бы хотел мгновенно переродиться, и, стряхнув несколько сотен лет с себя, помолодеть. Главные городские улицы и площади, дотоле искривленные и грязные, были выпрямлены, выровнены, разчищены и осушены. Уличные мостовые, по большей части деревянные и дурно намощенные, исправлены и усыпаны песком. Везде, по возможности, возстановлялась чистота и порядок (2). Да и было для чего похлопотать нашей старушке Вологде: она ожидала принять в стены свои Великого, Державного Гостя, Гостя венчанного всемирною славою, она ожидала Императора Александра Благословенного.

«В первых числах Октября, 1824 года, Император Александр, обозревая некоторые губернии обширной своей Монархии, принял намерение обозреть и вологодскую. Преждевременный восторг жителей нашей губернии ясно выразился повсюду: в городах, селах и деревнях

все горели нетерпеливым ожиданием—видеть своего Благотворителя, земного Бога—Александра.

«Жители г. Грязовца, в 42 верстах отстоящего от Вологды, впервые удостоились этого счастья, встречи Государя в своем городе. Сюда 15 Октября, в 3 часа по полудни прибыл он из г. Буя, и, пробыв в Грязовце с небольшим час (3), в тот же день, после вечерни, отправился по московскому тракту в Вологду.

«Погода была неблагоприятна для дороги: дул ветер и морозило. Император ехал скоро, в открытых санях, тройкою, с двумя факелами. С полверсты не доезжая до Вологды, Государь остановился в деревне Удельного ведомства Кобылине, где в особенно устроенном для него домике переодевался (4).

«Наступила наконец и радостная для вологжан минута прибытия Александра в Вологду. Император, встреченный у градской заставы г. г. генерал-губернатором Миницким, гражданским губернатором Брусиловым и полицмейстером Домашневым, торжественно, в 8 часов вечера, въехал в город. Громко ударили в колокола на всех церквах вологодских, и жители, в одно мгновение узнавшие о радостном прибытии Государя, толпами бросились к Нему навстречу. Вмиг вся московская улица (ныне Советский проспект) наполнилась восторженным народом; не было проезда. Теснота, радостные восклицания, заглушавшие даже звон колокольный, все это вместе приветствовало Императора. На улицах, крышах, заборах и окнах везде раздавалось с живым усердием радостное у р а Высокому Гостю. Государь ехал скоро, но народ ни на шаг не отставал от Царского экипажа, бежал за ним до Воскресенского собора (ныне картинная галерея). Здесь Его Императорское Величество встретили: преосвященный Онисифор с св. крестом, все духовенство города, генерал-губернатор, гражданский губернатор, губернский предводитель дворянства, все чиновники, купечество и граждане. Преосвященный Онисифор, старец, поседевший в иноческих подвигах и святой жизни, удостоившийся быть духовником Светлейшего Князя Кутузова в минуты кончины его в Бунцлау, постигавший вполне все величие и трудности неизмеримых по благодетельному влиянию на все народы подвигов Александровых, с восторгом на челе и священным трепетом в сердце, представ пред Императора, приветствовал Его краткою, но сильною речью, в которой прекрасно высказал восторг жителей, целые уже 100 лет, со времен Петра Великого, не видавших в своем городе Августейших Монархов. Потом началось молебствие: Государь стоял на правой стороне, против местного образа Воскресения Христова, близко к иконостасу (5). Народу была полная церковь, так что никогда еще столько не бывало в соборе; все единодушно молились за Царя Всевышнему. По окончании молебствия, Император изволил отправиться в квартиру, приготовленную для Него в доме бургомистра, 1-й гильдии купца Витушешникова. Он ехал через рынок по Кирилловской улице, на Красный мост, и по набережной. На крыльце Император встречен был хозяином дома с хлебом и солью. Тут же гражданский губернатор имел честь подать Императору рапорт. В этот вечер только генерал-губернатор с гражданским удостоились чести лично разговаривать с Государем. Получив Монаршую благодар-

ность за хорошее устройство дорог, они откланялись. Ночью, когда уже все спали, Император, оставшись один в кабинете, случайно оперся на столик, поставленный подле Его кровати и заметив, что он из стороны в сторону качается, потребовал пилу. Отпилив собственноручно кончики двух ножек и уставив столик так, как следовало, Государь приказал своему камердинеру сказать хозяевам дома, что «это сделал Он в память своего у них пребывания». Витушешниковы до сих пор хранят и этот столик и эту пилу и самые отпилочки, как драгоценную для них редкость, и всегда с особенным удовольствием показывают любопытным.

«В этот вечер и в следовавшие за ним два, Вологда была прекрасно иллюминована: вся лицевая сторона гимназии, семинария и присутственные места ярко освещены были шкаликами; по правую сторону набережной, начиная от церкви Николая Чудотворца на Извести до самого Красного моста устроено было несколько блестящих щитов и особенный против дома Витушешниковых, на реке, с вензловым изображением имени Императора. Этот вечер (15 Октября) едва ли был не первым по торжеству своему у вологжан. Долго горели огни в домах, долго толпился народ пред квартирой Императора, безумолкно продолжая восклицать приветственное — ура. Император, к величайшему удовольствию народа, не смотря на вечерний Октябрьский холод, не один раз выходил на балкон к восторженной и нетерпеливой толпе, которая, вероятно, простояла бы целую ночь, если бы не надобно было дать покой Высокому Посетителю.

«На другой день (16 Октября) снова заликовала, полная радости, Вологда. Еще не проглянул свет Божий, как любопытная толпа ремесленников, работников и всякого другого рода людей, собралась на набережную, и как пчелы около улья, роилась вокруг «нового Дворца Вологодского». В 8 часов утра этого дня были представлены Его Величеству: духовенство, военные и гражданские чиновники, дворянство и купечество. При представлении дворян, Государь изволил заметить дворянскому предводителю Брянчанинову: «Вы имеете отличную память, без списка представлять всех дворян своих». — «Государь! мы все одна семья», — было ответом губернского предводителя. По окончании представления, Государь Император изволил осматривать сперва гимназию, при бывшем тогда директоре Шипилове, потом городскую больницу, сиротский дом, богадельни и прочие заведения Приказа Общественного Призрения, и вновь построенный Тюремный Замок (ныне Тюрьма на Советском проспекте). Его Величество везде изволил находить порядок, чистоту и опрятность: особенно церковь в Тюремном замке обратила на себя внимание Императора. — В первом часу по полудни, посетив древний вологодский Софийский собор—памятник архитектуры XVI столетия (6) — Государь посетил потом преосвященного Онисифора и Спасокаменный Духов мужской монастырь. Поклонившись нетленным мощам князя Иоасафа Каменского и преподобномученика Галактиона, Его Величество изволил отправиться в монастырь Спасоприлуцкий—древню обитель св. Димитрия, отстоящую в 4-х верстах от города по Архангельскому тракту. Здесь Он встречен был архимандритом с иконой св. Димитрия Прилуцкого, коей настоятель монастыря и благословил Александра (7). Госу-

дарь, по возвращении в свою квартиру, тотчас же отправил икону в С. П. бург к Благочестивейшей Государыне Марии Федоровне.

«Вечером этого дня, Император, к всеобщему удовольствию дворян вологодских, изволил осчастливить Своим присутствием бал, данный дворянством с Высочайшего Его соизволения в доме дворянского Депутатского Собрания (ныне филармония). Он прибыл на бал с генерал-губернатором Миницким в одном экипаже и у подъезда был встречен гражданским губернатором, губернским предводителем с уездными, дворянством и купечеством, а на верху лестницы почетными дамами: действительной статской советницей Брусиловой, супругой дворянского предводителя Брянчаниновой, контрадмиральшей Федоровой, тайной советницей Рындиной и женой градского главы Ягодниковой. Государь, после ласкового приветствия, открыл бал польским, прежде всех удостоив чести танцевать с Собой супругу губернатора, потом супругу дворянского предводителя. Он танцевал 28 польских, преимущественно с теми дамами, которые имели счастье воспитываться под Высочайшим покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны. Государь пробыл на бале до часу по полночи. Во все это время Он был чрезвычайно весел, все хвалил, всем был доволен, и, уезжая, сказал: «Мне весьма приятно видеть согласие, господствующее в обществе: все, виденное Мною в Вологде, далеко превзошло Мое ожидание во всех отношениях».

«На третий день (17 октября), в 7 часов утра губернский предводитель от всего дворянства ездил благодарить Государя за посещение бала». Я (ответствовал Александр губернскому предводителю) во все время путешествия ни на одном еще бале не был так долго и так весел, как у вас в Вологде». Это были подлинные слова, которыми приветствовал Государь губернского предводителя. В этот день Государь Император один изволил ездить для подробнейшего обозрения Вологды: посетил Горний Успенский девичий монастырь, где встречен был священником с крестом и св. водою. Александр приложился к св. кресту; потом, в сопровождении всех инокинь, при торжественном хоре «Всемирную славу», изволил зайти в ветхую обитель игуменьи Серафимы и пожертвовал 5.000 руб. ассигнациями на постройку новых келий (8).

«В сей день приглашены были к обеду Его Величества: преосвященный Онисифор, генерал-губернатор, гражданский губернатор, губернский предводитель дворянства и бригадный начальник Внутренней Стражи полковник Жолвинский. Император как до обеда, так и во время обеда безпрестанно разговаривал, попеременно обращаясь к своим гостям, чем каждому желал доказать Свое милостливое расположение. Весьма лестно изволил Государь отзываться о набережной, иллюминации и бульваре. За обедом Он спрашивал у губернского предводителя о городе Кадникове, и когда последний отвечал Ему, что Кадников не много хуже Грязовца, то Он милостиво изволил отвечать: «А что же? Грязовец довольно изрядный город»; тут же изволил объявить, что Он еще намерен посетить Вологду и проехать к Архангельску через Тотьму и Устюг. Наконец после обеда, когда дворяне готовы были откланяться, Император, обратясь к преосвященному, сказал:

«Так как завтра великий и памятный день для жителей Вологды (9), то Богу угодно, чтобы Я молился здесь», и просил преосвященного Онисифора начать обедню на другой день в 7 часов.

«Все три дня пребывания Своего в Вологде Александр ознаменовал милостями и благодеяниями; где ни был, везде оставил неизгладимые по Себе следы, и с кем ни говорил, всякий встретил в Нем и щедрого Царя и кроткого Ангела. Никто из вологжан не был забыт Им: все, чем-нибудь обратившие на себя внимание Его Величества, получили от Него царские милости. Бедным выданы были денежные пособия, людям, ревностным к службе, пожалованы ордена и подарки: так к вечеру последнего дня, Государь Всемилостивейше соизволил пожаловать: генерал-губернатору Миницкому орден Св. Владимира 2-й степени и 25.000 рублей ассигнациями; гражданскому губернатору Брусилову орден Св. Анны 1-й степени, а предводителю дворянства штабс-капитану Брянчанинову бриллиантовые знаки ордена Св. Анны, которые Государь, в изъявление отличного благоволения к нему и ко всему вологодскому дворянству, послал в награду из Череповца по выезде из Вологды. Кроме того, многим чиновникам роздано было множество других наград. Губернскому секретарю Угрюмовскому, за хорошие распоряжения при иллюминации, Его Величество изволил пожаловать 300 рублей ассигнациями. Супруге управляющего Удельной Конторой Готовцевой, за особенные приготовления ее в том домике, где Государь изволил переодеваться, подарил бриллиантовый фермуар. Дочери надворного советника Шипиловой и княжне Засецкой, подносившим Ему свои работы и крестнице Своей, подпоручице Зубовой, также изволил пожаловать бриллиантовые фермуары. Матери г. Витушешникова пожаловал бриллиантовый перстень, жене его—бриллиантовые серьги, сестре—бриллиантовый фермуар; людям же, служившим в комнатах, Его Величество изволил раздать более 1000 рублей.

«Наконец 18 числа, отслушав литургию во всеградской Спасской церкви (10), Император оставил Вологду. На первой станции, в селении Терпелке, Государь изволил обедать; к столу Его Величества приглашен был вологодский уездный предводитель дворянства Ярославов. В продолжение всего обеда, Государь разговаривал с ним, не переставая хвалить вологодское общество: «Кланяйтесь ему от Меня», говорил Император, садясь в дорожный экипаж Свой. В 6 часов по полудни, Государь был уже вне вологодской границы».

Н. СУВОРОВ.

Воспоминания Н. П. Брусилова

В 1824 году я имел счастие встречать Благословенного в Вологде. Его Императорское величество прибыл в Вологду 15-го октября, в 8-м часу вечера. Время было самое ненастное; дождь, снег, слякоть, мороз менялись безпрестанно, дорога совершенно испортилась, в летнем экипаже ехать было трудно, и Государь, оставя свои экипажи на дороге, изволил прибыть в открытых санях. На крыльце теплого Воскресенского собора встретил его преосвященный Онисифор с крестом и святою водою и приветствовал краткой речью. По окончании молебствия, Государь в дорожном экипаже изволил отправиться в приготовленный для него дом купца Витушешникова. Здесь, пройдя по фронту караула внутренней стражи и поздоровавшись с часовыми, изволил отпустить караул и в доме остался только один часовой у входа. Здесь я имел счастие подать Его Величеству рапорт о состоянии губернии. Войдя в свои покои, Государь принял генерал-губернатора С. И. Миницкого, потом удостоил принять меня в своем кабинете. Около получаса Государь изволил говорить со мною, расспрашивал о городе, о губернии, о службе моей, о семействе, вспомнил дядю моего, и двоюродного брата, наконец изволил говорить о своем вояже. Изволил так же говорить, что в Вятской губернии, в лесу, медведь напугал было его лошадей.

— Мы, — с улыбкой сказал Государь, — были и в такой стороне, где водятся медведи.

Наконец, изволил спрашивать о быте крестьян, и когда коснулась речь до постройки, он изволил сказать:

— Это правда, тесная постройка деревень дает пищу пожарам. Бы-

ли проекты строить крестьянские дома отдельно один от другого: конечно, для пожарных случаев это полезно, но в нашем климате это не совсем удобно. Тесная постройка на севере необходима, здесь соседи греют меня с двух сторон.

Какое глубокомысленное и справедливое замечание!.. Между прочим, Государь изволил спросить о доме, мною занимаемом. Я воспользовался этим случаем и доложил Его Величеству, сколь прискорбно для меня, что я не имел счастия принять Его в доме, мною занимаемом, причем я объяснил причины.

— Это все равно, — изволил Он сказать, — я домом очень доволен; это приготовлено твоим же попечением, следственно все равно, как бы я был у тебя.

Действительно, дом Витушешникова был отделан прекрасно. Для росписания плафонов были выписаны из Петербурга живописцы Скотти. Витушешников по чистому усердию своему ничего не щадил для достойного приема столь великого гостя. На другой день Государь, после представления чиновников, изволил осматривать гимназию, все заведения приказа общественного призрения и тюремный замок. После того, удостоив посещением архиерея, Духов и женский монастыри, изволил ездить в Прилуцкий монастырь за 4 версты от города. При возвращении оттуда вдруг одна крестьянка подбежала к коляске и бросилась на колени. Государь приказал остановиться и изволил спросить, что ей надобно.

— Ничего, батюшка, хотела взглянуть на тебя, — отвечала она, положа крестное знамение, — больше мне ничего не надо.

Какое сильное, завидное чувство преданности! В эту ночь, в доме Витушешникова случилось событие, которое навсегда сохранится в памяти их семейства.

У софы, где почивал Государь, был поставлен круглый столик. Одна из ножек этого столика была несколько длиннее, и от того он стоял неровно. Государь ночью изволил спросить ручную пилку и сам своими руками уравнял ножки столика. Витушешников обделал этот столик в серебро с надписью события, а ножку, отпиленную Государем, отделал в золото. Столик этот хранится в доме Витушешникова как истинная драгоценность.

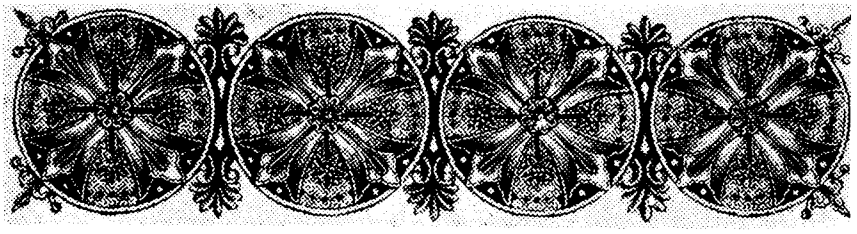
18-го октября, в день городского праздника Государь, отслушав раннюю литургию в церкви Всемилостивого Спаса, в 9 часов утра изволил отбыть из Вологды, осыпав нас милостями своими. Эти три незабвенные дня составляют эпоху Вологды и служат украшением ее истории.

Вологда не может и не должна забыть пребывания в стенах ее ангела кротости, которого так прекрасно изобразил знаменитый поэт.

Вождь вождей, царей диктатор.

Вот лучшая надпись к изображению Благословенного...

12 декабря 1848 г.



Молитвенный путь Александра Благословенного по святым местам г. Вологды

В день прибытия Своего в Вологду вечером 15 октября Государь Император, был встречен в *Воскресенском соборе* преосвященным Онисифором, епископом вологодским и устюжским, изволил слушать в нем краткое молебствие с многолетием.

* * *

Октября 16 дня 1824 года во втором часу пополудни Император Александр I посетил Спасо-Прилуцкий монастырь. Встреченный при входе в монастырь у святых врат настоятелем и всею братиею, Государь пошел в нижнюю соборную церковь и здесь слушал краткий молебен и многолетие потом приложился к ракам Угодников Божиих (11) и принял от архимандрита благословение святою иконою, которую в тот же день и отправил к Императрице Марии Федоровне. Из нижней церкви Он прошел в верхнюю соборную и в ризничную палатку, отсюда в церковь Введения и в настоятельские летние и зимние келлии. Пробыв в монастыре около двух часов, Государь оставил оный, поручив себя общим молитвам иноков. При выходе из монастыря, у тех же святых ворот, Он благосклонно принял хлеб-соль, поднесенную Его Величеству Прилуцкими жителями.

* * *

1824 года, Октября 16 дня Император Александр посетил Софийский собор. Был встречен при входе преосвященным Онисифором, епис-

копом вологодским и устюжским, Государь, по выслушании краткого молебна и многолетия, изволил обратить внимание на иконостас и стенную живопись, после чего посетил и архиерейский дом.

* * *

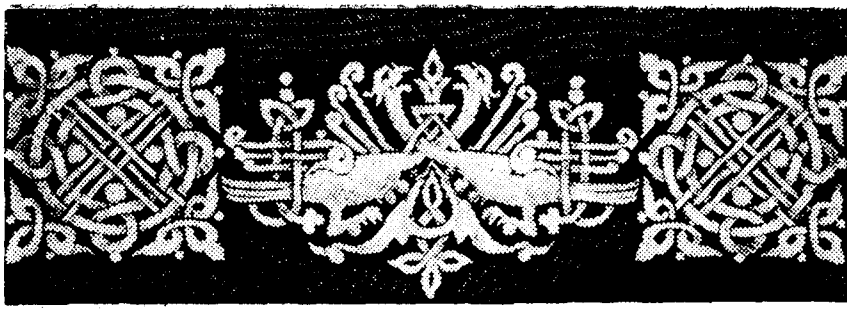
Посещение Спасокаменского Духова монастыря Государем Императором Александром I 16 октября 1824 г. Его Величество изволил посетить монастырь перед вечернею. Перед входом в соборную монастырскую церковь Он встречен был настоятелем монастыря с животворящим крестом святою водою; потом посетил обе церкви и, приложившись к ракам святых — благоверного князя Иоасафа и преподобномученика Галактиона, изволил осмотреть место погребения бывшего вологодского, архангельского и олонецкого генерал-губернатора А. Ф. Клокачева (12).

* * *

В ближайшей по времени истории обители (Горнего Успенского женского монастыря—Сост.) сохраняется с благоговением память о посещении ее в 1824 г. Государем Императором Александром I. Путешествуя по северо-восточным областям империи, Государь посетил и Вологду. 17 октября, обозревая город, изволил посетить и женский монастырь, в котором, по выслушании молебна в Успенской церкви, зашел на несколько минут в кельи настоятельницы. Крайняя ветхость этих келий, тогда деревянных, и общая скудость монастыря побудили монарха оказать обители денежное пособие в количестве 5 тысяч рублей, препровожденное чрез графа Аракчеева в начале 1825 года.

* * *

В 1824 году Благочестивейший Государь Император Александр I, в бытность Свою в Вологде, изволил в сей церкви (Спасообыденской — Сост.) в день главного годичного ее праздника, 18 октября, слушать Божественную Литургию и молебное пение Всемилостивому Спасу.



Провинция в александровские дни

Губительное время молчаливо и неуклонно, как дорожную пыль в ветреный день, сметает одно поколение людей за другим. Эти смены всего безотраднее ощущаются в нашем быту, в безконечных мелочах жизни, в наклонностях, вкусах и обыкновениях каждой эпохи. Через сто, двести лет дойдут нетронутыми произведения искусства: здания, картины, книги, рукописи, но тепло быта, его горести и радости неуловимы, странно далеки, как приснившийся в юности поцелуй первой любви, такой упоительный и такой обманчивый.

На нашу долю осталось только прислушиваться, как с потемневшего, истрепанного фолианта зазвучит неуверенный лепет старины или покажется маленький свет, прорвавшийся между складок опущенного, сумрачного занавеса. Всякая, самая незначительная весть оттуда «откуда никто не приходит» (по слову поэта А. Дельвига) — необходима и драгоценна, как редкий самоцветный камень, как некоторое откровение, доселе неведомое.

Впервые печатаемые нами записки о четырехдневном пребывании Императора Александра Благословенного в Вологде являются этой вестью, услышанной через девяносто лет, в условиях жизни, изменившейся до полного несхожества.

Маленькая рукопись на пяти листах, запись впопыхах, старая синяя бумага (водяные знаки 1819 года), старательное сообщение о малейших словах и движениях Государя—все это так ярко и живо переносит нас в далекое и милое время; мы видим улицы, на которых толпится народ, мы остро и терпко ощущаем настроение горожан и понимаем,

каким событием был, по тогдашним временам, для захолустного северного городка этот приезд Императора.

Непритязательно и просто записывает неизвестный свои впечатления, боясь пропустить хотя бы одну маленькую черточку приемов, представлений, встреч, посещений монастырей.

Безыскусному составителю удалось вызвать перед нами тончайшие оттенки быта, милого и забавного, цельного и напудренного, простодушного и хитрого в меру. Перед нами проходит ряд живых личностей — Александра, губернатора Брусилова, Витушешникова, дам-дворянок, дворян...

Но всего отчетливее виден сам составитель «записок» — мягкий, безкорыстный друг губернатора, гордящийся его успехами у Государя, типичный романтик того времени, быть может, отдыхающий в провинции от «ратных трудов» недавно закончившегося «ратоборства с Корсиканцем».

Мелочи быта, сочный, как спелые осенние плоды, язык той эпохи, красочный, меткий, выпукло возсозданные фигуры позволяют нам заглянуть в провинциальную старину «дней Александровых».

Личность Императора, этого «очаровательного сфинкса», неразгаданного до гроба, всегда будет привлекать внимание изследователя, как она уже привлекала и современников.

На самом деле, Александр, пронизанный жадными и влюбленными глазами составителя «записок», встает перед нами со всеми характерными и загадочными чертами—выдержанностью, скрытностью, необыкновенной любезностью, обаятельностью обращения и двуликостью, словом, как в стихах Пушкина на известный бюст работы Торвальдсена в Императорской Публичной Библиотеке.

Уже с первых шагов Александра в Вологде мы чувствуем эту тонко расчитанную манеру всем быть довольным, эту совершенно исключительную способность очаровывать людей и привлекать к себе.

Доволен он приготовленной, где-то в поле, палаткой для переодевания при въезде в город; нерасчетливый губернатор Брусилов, явившийся встречать Императора в ботфортах и без пудры, немедленно получает милостивое разрешение «быть в сапогах»; доволен он домом купцов Витушешниковых, улицами, набережной; ни одного слова никому укора, везде милости, награды, сдержанность в комических положениях в которые попадает Император через усердие Брусилова и т. д.

Губернатор Брусилов рисуется старательным управителем, немного наивным и сентиментальным, настойчивым и упорным, с зычным голосом, вообще несколько провинциальным «недотепой», здоровым, сильным, и краснощеким.

Богатые купцы Витушешниковы, осчастливленные уже навсегда пребыванием Государя в их доме, молчаливые и застенчивые, крепкая, многочисленная семья из стариков, невесток, братьев и сестер...

И этот, так удавшийся дворянский бал, шумный, хмельной, наивный и неизгладимый, дорогой современному эстету, который, быть может, только теперь вполне очаровался Пушкинским балом в «Евгении Онегине»...

Эта простая и красивая жизнь навсегда умерла; ни мы, ни наши потомки никогда не переживут здорового и пленительного чувства жизни, никогда не загорится над нашей и будущей жизнью примитивная и своеобразная иллюминация как бы из бумажных фонариков, которая горела над Александровским временем, таинственная и единственная.

Губительное время ушло вперед—и так радостно и грустно подчас оглянуться на последнюю мирную остановку утомительной дороги, так близок и дорог неизвестный составитель «записок», который когда-то «улучив свободную минуту», передал синей бумаге свои надежды и страхи, заставляя нас с первых строк насторожиться и выслушать его повесть.

15 октября 1824 года.

«Сегодня в 8 часу вечера имели мы счастье встретить Государя. Улучив свободную минуту, тотчас беру перо, чтоб описать все с подробностью (13).

Проливной дождь погасил почти всю нашу иллюминацию, наипаче около собора.

В полуверсте от города был приготовлен для Государя дом для переодевания, убран палаткою прелестно, и Государь очень был сим доволен.

У собора встретил Архиерей, генерал-губернатор, губернатор и все чиновники. Архиерей говорил речь краткую и сильную. Все были в пудре и башмаках. Губернатор в ботфортах со шпорами и без пудры. Многие губернатора пугали насчет сего, но, напротив, Государь через барона Дибича и при представлении приказал губернатору быть в сапогах.

Из собора Государь в дорожном экипаже с генерал-губернатором поехал в назначенный дом (14). Губернатор на крыльце встретил Государя, отрапортовал словесно и потом подал рапорт. Государь изволил принять и, сделав уже шага три, вдруг оборотился и изволил милостиво сказать:

— Мне приятно сделать Ваше знакомство.

Это точные его слова.

Тотчас генерал-губернатор позван к Государю, Губернатор оставался у Дибича.

Когда генерал-губернатор вышел, позвали губернатора.

Государь изволил спросить—давно ли губернатор в Вологде, после кого принял должность и спрашивал о населении, о городе, о заведе-

ниях приказа, о тюрьме, изволил спросить: женат ли губернатор, на ком, есть ли дети, не родня ли губернатору Брусилов, бывший в уланах и губернатором в Вильне; потом изволил сказать, что генерал-губернатор отменно порекомендовал его и что ему приятно будет дать знак его благоволения и пр.

Минут 20 губернатор был у Его. Государь спросил — в каком доме живет губернатор, хорош ли дом.

Губернатор воспользовался сим случаем доложить Государю: сколь для него и жены его прискорбно, что не имели счастья принять его в своем доме, и объяснил ему причины (15).

— Это все равно, — сказал Государь. — Я доволен очень домом. Это приготовлено твоими трудами. Следственно все тоже, как бы я был у тебя.

Государь столь был милостив, что не имею слов изъяснить.

Оставя все относящееся до Вологды, изволил даже губернатору разсказывать о своем путешествии и проч. и проч., два раза отпускал губернатора, и губернатор раскланивался, и два раза ворочал, хвалил дороги, город, — словом осыпал милостями.

16-го числа.

Сегодня представлялись духовные, военные, потом гражданские чиновники и купечество.

Когда Государь вышел, генерал-губернатор представил губернатора

— Мы уже познакомились, — сказал Государь. — Я знаю его брата и дядю, — и, подойдя к губернатору, начал спрашивать: зачем его брат подал в отставку, где он и проч.

Потом спросил:

— Он меньшой тебе брат?
— Государь! отвечал губернатор — он мне двоюродный.
— Я думал — родной.

И тотчас оборотился к чиновникам. Губернатор начал ему представлять без всякого списка: было человек сорок.

В продолжении представления Государь раза три быстро на губернатора взглядывал; губернатор думал не потому ли, что слишком резко говорил чины и фамилии; но губернатор, слава Богу, не смешался и продолжил все до конца.

Государь откланялся и, оборотясь, сказал:

— Громко любуюсь Вашей памятью.

Прежде еще Дибич говорил губернатору:

— Где же Ваш список?
— У меня его нет.
— Да вы собьетесь?

— Нет!

Так и было, ни в слове не ошибся!

После представления Государь осматривал гимназию, заведения приказа, тюрьму и везде оставался доволен. Церковь в тюрьме ему очень понравилась.

Войдя в одну камеру, губернатор доложил, что здесь содержатся убийцы, и что они помещены в камеру потому, что в тюрьме еще сыро. (16).

— Хорошо, но почему у них нет оков?

— Ваше Величество, дело в том, что убийство не доказано. Они только под подозрением.

— Прекрасно.

Возвратясь домой и отдохнув немного, изволил один ездить в холодный Софийский собор и из оного к Архиерею, в Духов монастырь и Прилуцкий монастырь за четыре версты от города.

Ввечеру удостоил присутствием бал, дворянством данный.

Губернатор встретил Государя у крыльца.

Наверху лестницы встретили хозяйки: жена губернатора (17), губернская предводительница (18), контр-адмиральша Федорова, сенаторша Рындина и жена градского главы (19).

Губернатор представил их Государю.

Он изволил взять под руку губернатора жену и с нею вошел в зал, раскланиваясь, и открыл с нею польской в первой паре. Лишь кончил, подошел к губернатору и сказал:

— Что ты не танцуешь?

Потом танцевал с Федоровой, с Брянчаниновой, с Рындиной. Когда с хозяйками кончил танцы, губернатор начал подводить тех дам и девиц, коих сам Государь в списке изволил назначить, особенно воспитанниц институтов.

Лишь губернатор подвел первую, Государь сказал:

— Это сестра твоей жены?

— Нет, Государь.

— А где же она?

— Она будет иметь счастье танцевать с Вашим Величеством после.

И после она танцевала.

Почти все польские Государь был в первой паре и брал тех, которые были назначены для танцев с ним.

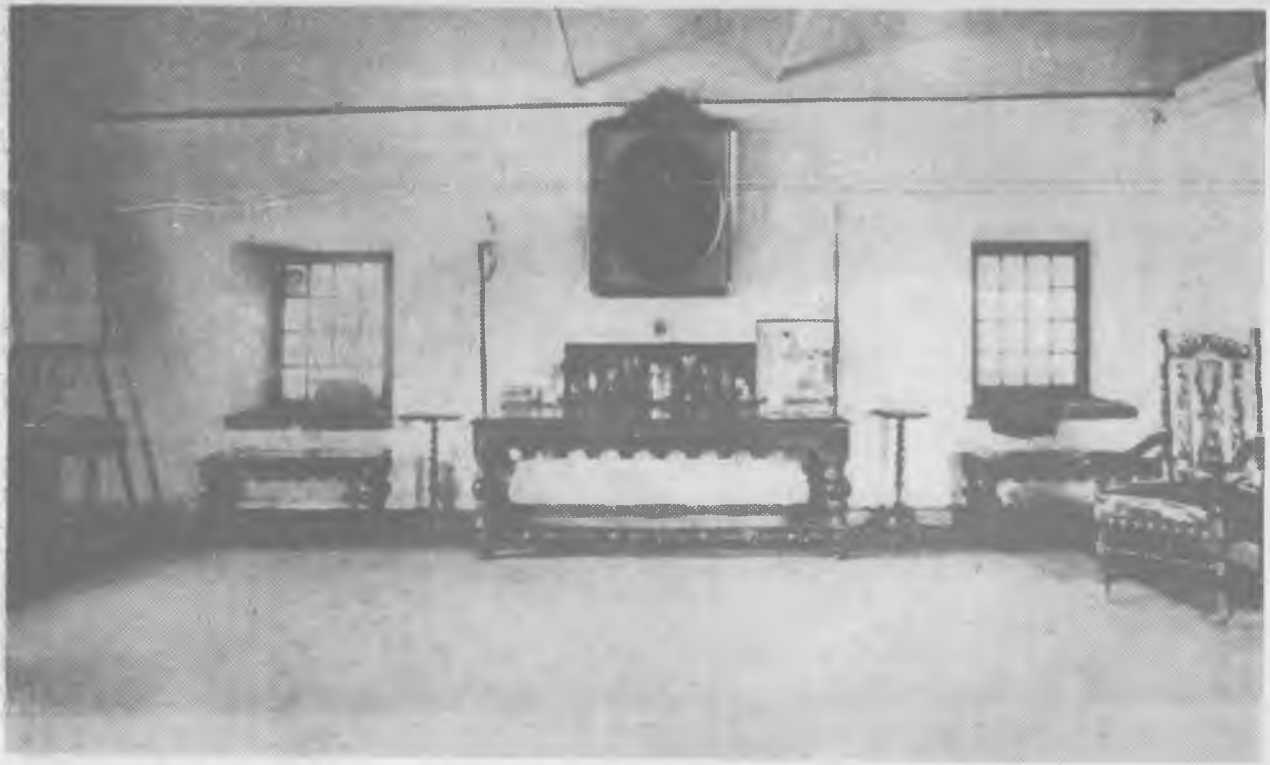
Губернатор доложил ему еще о даме.

— Дай отдохнуть.

— Если Вы устали вальсировать, Ваше Величество, тогда можно танцевать кадриль... Если Вы соблаговолите позволить?..

— Прекрасно.

В кадриле была и жена губернатора.



Кадриль кончилась. Музыка играла. Губернатор несколько позамешкал и думал, что еще танцуют.

Теснота была ужасная.

Государь подозвал губернатора и сказал:

— Перестали уж танцовать. Вели польской.

Губернатор подвел даму. Государь оттанцовав, сказал:

— Это не та дама, которую ты приводил ко мне.

— Точно та, Государь.

— Нет, та была в другом платье.

— Государь! та самая.

— Ты думаешь, что та? Быть по твоему!

— Государь, виноват, может быть я ошибся.

— Покажи мне жену градской главы, я не танцовал с нею.

Губернатор подвел купчиху Витушешникову, и Государь с нею танцевал.

Всего танцевал 30 раз несказанно милостиво. Нигде не танцевал так много. На бале пробыл час с четвертью. При отъезде хозяйки хотели проводить его, но он не допустил.

— Мадам, не безпокойтесь. Прошу Вас.

На бале еще несколько раз говорил губернатору:

— Что ты не просишь дам садиться?

Когда губернатор шел с лестницы, все дворяне за ним, Государь сказал:

— Ваше Превосходительство! воротитесь на бал.

Губернатор проводил его до коляски.

Государь изволил сказать, что он благодарен, что все превзошло его ожидание (20).

Не можете представить, какой восторг произвели слова сии!

Все губернатора целуют и поздравляют. Генерал-губернатор благодарит.

Слава Богу!

17-го числа.

Сегодня в 8 часу утра Государь изволил ездить один в Девичий монастырь и, объехав весь бульвар, возвратился в 10 часу утра. После того, в целый день никуда не выезжал и занимался делами.

В два часа были приглашены к столу: архиерей, генерал-губернатор, губернатор, губернский предводитель Брянчанинов и полковник Жолвинский. Сверх того обедали Дибич, Вилле и 5 класса Ващенко и Соломка. Всего десять человек. По правую руку Государя сидел архиерей, по левую генерал-губернатор, губернатор возле его. За столом Государь весьма много говорил с губернатором, разспрашивал о губернии, о зырянах, потом рассказывал ему о новых постройках в Москве.

— Вы теперь не узнаете Москвы, — изволил сказать, — Помните, какое было неопрятное место вдоль стены? Все это обделано. Кузнецкого моста уже нет. Тут прекрасные дома и театры и пр. (21).

Перед обедом хвалил еще бульвар, сравнивал это место города с Рождественской частью в Петербурге. После стола изволил выйти на балкон.

Народ, собравшийся во множестве, закричал «Ура»!

Государь, обращаясь к губернатору сказал:

— Какая прекрасная у вас набережная!

Словом, все изволил находить хорошим. Хвалил также иллюминацию, и губернскому секретарю, который смотрел за работой, пожаловал 300 рублей. Готовцевой за отделку комнат, где переодевался, Шипиловой и княжне Засекиной, подносившим свои работы, и креснице своей Зубовой пожаловал фермуары. Многим пожаловал деньги, подарки и проч. за столом еще повторил, что бал ему очень понравился. Ссылался на своих дорожных товарищей (указывая на Дибича), что ни в каком губернском городе не был на бале (22).

Сегодня канун праздника городского (23).

Государь изволил сказать, что завтра будет у обедни в Спасской церкви.

Новый знак милости, ибо по маршруту назначен отъезд!

Губернатор нашел свободную минуту съездить в церковь. Воротясь оттуда, сряду четыре фельдегеря один за одним присылались к губернатору от Дибича, то с подарками кому-нибудь, то с деньгами, то с повелением быть вместо Государя воспреемником от купели (24).

Наконец, часу в девятом вечера, можно сказать, вбегает к губернатору фельдегерь...

— Ваше Превосходительство! поздравляю с лентой! — и подает пакет.

Вообразите губернатора положение?

Губернатор видел милость Государя, но мог ли подумать, чтобы через два месяца после чина получить ленту?!?

В ту же минуту надел ленту, поехал к Дибичу и генерал-губернатору. Оба сказали, что Государь во всех частях совершенно им доволен.

— Только одно находит Государь, — сказал Дибич. — Вы несколько круто принимаетесь за устройство.

18-го числа.

Сегодня в семь часов утра генерал-губернатор и губернатор благодарили Государя.

Подойдя к губернатору, он изволил сказать:

— Ваше Превосходительство! Поздравляю Вас и повторяю Вам, что

совершенно доволен устройством города, дорог, словом, все превзошло мое ожидание. Есть еще некоторые улицы и дома, которые не приведены в порядок, но по кратком времени нельзя было сего и сделать. Но я надеюсь, что Вы исподволь все исправите.

С полными слез глазами, в умилении и благодарности, хотел губернатор поцеловать Его руку, он остановил его:

— Нет, дай руку.

Взял за руку и два раза губернатора поцеловал.

— Прощай, — изволил сказать — жене кланяйся.

Потом поехал в Спасскую церковь и, отслушав обедню в 9 часу сел в дорожную коляску и поехал.

17-го числа ввечеру Государь Император изволил пожаловать генерал-губернатору орден Св. Владимира 2-ой степени со звездой и 2500 ассигнациями денег. Вологодскому полицмейстеру Домашневу состоять при армии подполковником, ибо оный чин хотя он и имел, но дан был ему при отставке и. 18-го числа утром, отправляясь в путь и, садясь в коляску, Государь сказал полицмейстеру:

— Для чего без эполет?

Он ответил, что не имеет.

Государь тотчас приказал надеть, что было и исполнено. 17-го числа ввечеру хозяев и хозяек дому купцов Витушешниковых пригласил к себе в комнаты и поблагодарил за доставленное ему удовольствие квартирой, отзываясь довольным, хвалил дом, и пожаловал матери тех купцов перстень, жене старшего сына серьги, и малолетней дочери фермуар, стоящие не малой цены (25).

И вот, что еще служит особенным благоволением Государя, как к городу Вологде и к хозяевам квартиры, что всем при доме Витушешниковых людям пожаловал—мужчинам по 50 рублей, а женщинам по 10 рублей. Прикащику тех купцов, который находился при комнатах, часы золотые. И чтобы никто из служащих у купцов Витушешниковых не остался без награждения, то на имеющийся у них здесь сахарный завод работникам пожаловал 500 рублей. (26).

Все здешние чиновники представлены к разным награждениям, ибо Государь Император сего требовал от генерал-губернатора и губернатора, говоря, что нет ли кого представить к награждениям.

Но вот драгоценная черта царской милости, как истинного отца своих подданных: 16-го числа утром из комнат Государя выслан был флигель-адъютант Соломка, который именем Императора объявил всенародно, что не имеет ли кто прошений, что бы оныя представляли небоязненно, что и исполнилось.

Но, слава Богу, по Вологодской губернии, как слышно, все было спокойно, и если поступили какие прошения, то о награждении и бедности».

Быть может, это письмо, в свое время, в далекой усадьбе было получено с трепетом и несказанным волнением, его читали и перечиты-

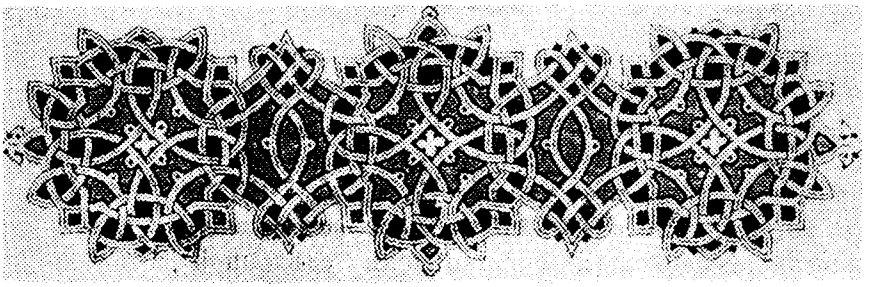
вали; молоденькие помещицы завидовали счастливицам-горожанкам, танцевавшим с Государем польский; помещики мечтали о представлении; а старая древняя бабушка, бывавшая при дворе Екатерины, в тысячный раз повторила разсказ о своей молодости под тихое мерцание Коллетовских свечей, сидя в глубоченном вольтеровском кресле, окруженная цветником из внук и внуков.

На минуту отвлеченные от современности, мы молодеем, улыбаемся милой идиллии, улыбаемся снисходительно и с тайной грустью к невозвратимо миновавшему.

И нам поют стихи великого поэта в утешение, поют настойчиво и ласково:

Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило

И. ЕВДОКИМОВ.



Подпиленный столик

(РАССКАЗ).

Нынешний день выдался хлопотливым, как и обычно—первый день приезда в губернский город.

Утром волнение во время встречи, когда едва ли не весь город под колокольный звон высыпал на улицы, и упряжной рысак бойко мчал легкие санки по недавно выпавшему снегу. Затем недолгая служба в Воскресенском соборе, а поздним вечером деловой прием губернаторов — военного и гражданского. В это время на набережной у дома собрался народ, кричал «Ура!», и император Александр в одном сюртуке, невзирая на поднявшийся к ночи пронизывающий ветер, три раза выходил на балкон, поклонами отвечая на восторженные клики.

И сейчас, глубокой ночью, когда все спали, ему снова вспоминался Воскресенский собор, островки свеч на высоких храмовых подсвечниках у икон, низкий внушительный бас протодиакона, возглашавшего многолетие всему Царствующему Дому, преосвященный Онисифор, и его белая, высохшая в подвигах поста и воздержания ладонь, которую Александр поцеловал после благословения.

Постаревший Владыка, его кроткая улыбка и понимающий взгляд пробудили в памяти события одиннадцатилетней давности.

Весна 1813 года. Бунцлау. Больной, умирающий фельдмаршал. Владыка (в ту пору еще отец Онисим) был тогда старшим благочинным Молдавской армии. Они часто встречались с ним, подолгу беседовали. Впоследствии судьба развела их, но и в разлуке Александр не редко вспоминал этого скромного, душевного отца протоиерея, истинно православного пастыря.

Бунцлау. Жарко натопленная комната. Запах ладана и лекарств. Последние колкости едкого на язык фельдмаршала. Отец протоиерей был духовником умиравшего, соборовал его и причастил Святых Таин.

Император Александр отложил книгу, которую рассеянно перелистывал в кресле, серебряными щипчиками снял нагар со свечей жирандоля, прошелся по комнате, в задумчивости перекладывая из руки в руку веские кисти пояса персидского халата.

Кутузов. Сколько неприятностей и огорчений претерпел он от этого человека. Разве изгладится из памяти тот день, когда во дворце была получена реляция, что русские войска оставили Москву. Древнюю столицу с ее святынями, с гробницами великий князей и царей. Что пережил он тогда! Досаду. Обиду. Гнев. Укоры в душе об оплошной замене Барклая де Толли. Но тверже душевного смятения была в сердце вера и стойкая надежда на народ, на Россию.

Господь сохранил державу. Французам пришлось солоно в Москве и они, до безобразия напакостив в чужом доме, учинили безславную, позорную ретираду.

Кто, Господи, знает стези Твои? Еще вчера выскочка Бонапарт безумствовал в первопрестольной, и где он теперь? На скудном клочке каменистой земли в океане. Это победоносные русские войска низвергли тирана и, торжественно вступив в ликующий Париж, даровали народам Европы свободу и тяжкими трудами добытый мир.

Александр приблизился к образу Спасителя в резном киоте в углу комнаты: подобрав полы халата, стал на колени, помолился об упокоении души усопшего фельдмаршала и всех воинов на поле брани за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших.

Кабинетные часы, стоявшие в простенке, мелодично пропели начало менуэта и звучно, но мягко ударили один раз.

Пора, пора спать. Трудный, хлопотливый выдался день, и впереди ждет не легче. Что делать, он же сюда не на прогулку приехал, не полонез на балу танцевать. Хотя, конечно, и бал, и полонез его ожидают. Это будет завтра. Ах нет, уже сегодня.

2

Задув свечи жирандоля, Александр сел на кровать—ложе из красного дерева, украшенное бронзовыми накладными узорами, изделие домашних мастеров—и стал раздеваться. Собственно говоря, он уже давно был раздет камердинером и облачен в ночной халат, но халат можно снять и самому. Александр достал из походного несессера флакон с французскими духами, уронил несколько душистых капель на подушку и постель, поставил хрустальный флакон на круглый столик возле кровати. Столик качнулся и на нем качнулся ночник—подсвечник, изображавший французского гренадера, в медвежью шапку которого вставлялась свеча.

Это незначительное происшествие прервало стройный ход прихотливых мыслей и воспоминаний. Александр поднялся с кровати, запахнул распоясанный халат, от ночника затеплил свечи жирандоля—комната наполнилась ровным светом—переставил ночник с флаконом на кресло, перевернул трехногий столик вверх ножками и дернул шнур сонетки. Дверь комнаты распахнулась.

— Друг мой, — по-французски сказал он появившемуся камердинеру, — принесите мне небольшую пилу.

Огонек изумления, мелькнувший в глазах камердинера, показал, обозначил, как огорошен он ночной просьбой царя.

Камердинер исчез и через мгновение появился с хозяином дома — купцом Витушешниковым.

Александр поморщился. Дело приняло слишком публичный характер. Все являются так скоро и с такими лицами, что становится очевидно— в доме из-за него никто не спит. Люди ждут, когда уляжется он.

— Ваше императорское Величество, — спросил от порога Витушешников, — Вам нужна пила?

— Да, любезнейший Осип Иванович, — подходя к нему, сказал Император. — Обыкновенная пила. Столик качается и раздражает мои нервы. Я не могу заснуть. — Александр повернулся к камердинеру и ласково, но строго сказал: — Друг мой, я же просил Вас принести пилу, а не поднимать на ноги весь дом.

Камердинер, потупившись, слушал выговор.

Хозяин дома между тем вышел в коридор, что-то энергично прошептал там, возвратился в комнату, молча, с выражением задумчивой скорби осмотрел злополучный столик.

Через минуту в комнате появился еще один человек—плечистый молодой мужик, в чистой рубахе, с ровно постриженной русой бородой, с почтительным, но не робеющим, открытым взглядом светлых и ясных глаз. Он замер у порога с небольшой пилой в руке. Видимо, это домашний столяр.

Александр шагнул к нему. Столяр, при виде приближающегося царя, сделал движение опуститься на колени, но Александр жестом показал ему, что этого делать не следует, взял пилу, глянул вдоль полотна.

Мелкие зубья искристой строчкой играли на свету.

— Как зовут тебя, братец?

— Федором, ваше императорское величество.

— Пойдем со мной.

Федор положил столик на крышку большого дорожного чемодана, держал, чтобы он катился. Александр свободной рукой взялся за стойку стола, прищурив левый глаз, сделал еле заметный пробный надпил на одной, потом на другой ножке, еще раз примерился взглядом и неторопливо, но уверенно подравнял обе ножки.

3

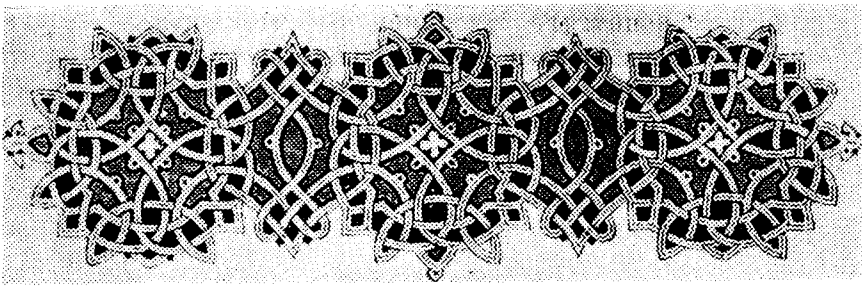
Вскоре комната опустела. Ушел хозяин—растроганный образом монарха, работающего пилой; ушел Федор—в кулаке унося золотой империал, а в душе благодарность за помощь и отменно наточенную пилу. Камердинер вынес на подносе подметенные опилки и кончики ножек.

В комнате вновь горел один ночник, да мерцала лампада у образа. Мерно шли часы, а в изголовье кровати стоял теперь не качавшийся столик.

Император Александр засыпал. События миновавшего дня, воспоминания о прошлом, предположения и мечты о будущем туманно перемешивались в голове, окутывая сознание вязкой пеленой сна. В редкие мгновения еще ясно сознавая себя, он вспоминал, как по ладони пришлась ему удобная пила, как споро она шла в древесине. Затем вспоминалась благословляющая рука Онисифа, умирающий фельдмаршал. И будто Федор, фельдмаршал, Онисифор и он, были—одно. Но тут в это единое целое внезапно, пугающе-радостно, как это часто бывает во сне въехал Париж—широкая, шумная, солнечная улица с марширующими по ней войсками, сотнями казаков и драгун, со сверкающими на солнце золотом парадных кирас рядами кавалергардов.

«Ах, Париж, Париж, — подумал Александр ускользавшей, и во сне тронувшей его до слез мыслью, — ничего не стоит твоя победная, парижская слава рядом с моей чудной и милой страной, Отечеством, где куда бы я ни приехал, всюду буду дома.

Р. БАЛАКШИН.



От составителя.

Хотя приводимый ниже исторический анекдот не относится ко времени пребывания Государя Императора Александра I в нашем городе, но мы не можем отказать себе в удовольствии познакомить с ним читателя. Так ярко обрисовывается в нем благодарная и живая натура Царя.

Исторический анекдот

Об Императоре Александре Благословенном.

Проезжая в 1824 году через Екатеринославскую губернию, Император Александр Павлович остановился на одной станции чай пить. Пока ставили самовар, Государь разговорился с станционным смотрителем и, увидев у него на столе книгу Нового Завета, в довольно подержанном виде спросил:

— А часто ли ты заглядываешь в эту книгу?

— Постоянно читаю, Ваше Величество.

— Хорошо. Читай, — заметил Император: — это дело доброе. Будешь искать блага души, найдешь и земное счастье. А где ты остановился в последнее время?

— На Евангелии св. апостола Матфея, Ваше Величество.

Государь выслал за чем-то смотрителя и в его отсутствие проворно развернул книгу, отыскал одну из страниц Евангелия от Матфея и, положив в нее пять сотенных ассигнаций, закрыл книгу.

Прошло несколько недель. Возвращаясь обратно по той же дороге, Государь узнал станцию и приказал остановиться.

— Здравствуй, старый знакомый, — сказал Он, входя к смотрителю, — а читал ли ты без Меня свое Евангелие?

— Как же, Ваше Величество, ежедневно читал.

— И далеко дошел?

— До св. Луки.

— Посмотрим, дай сюда книгу.

Государь развернул ее и нашел положенные им деньги на том же месте.

— Ложь великий грех! — сказал Он, вынул бумажки и, указывая смотрителю на прикрытую ими страницу, прибавил: — Читай!

Смотритель с трепетом прочитал: «Ищите прежде царствия Божия, и сия вся приложатся вам».

— Ты не искал царствия Божия, — заметил Государь, — а потому недостоин и Царского приложения.

С этими словами Он вышел, отдал деньги на бедных села и уехал, оставив смотрителя в полном отчаянии.

КРУГ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ, ДЕЙСТВУЮЩИХ В ЭТОЙ КНИГЕ

АЛЕКСАНДР I — (1777—1825) государственный деятель. Радостно была встречена народом весть о его рождении. Поэты того времени — Державин, Майков, Петров—приветствовали торжественными одами рождение будущего повелителя России. К его воспитанию были привлечены лучшие научные и педагогические силы тогдашней России — академики П. С. Паллас и Фр. Эпинус, а также М. Н. Муравьев, А.Я. Протасов, Н. И. Салтыков. Александр был одаренным ребенком — на четвертом году он уже писал, читал и рисовал. На пятом году овладел многими ремеслами. (27). Знал немецкий, английский и французский языки. С 1801 года—российский Император. «Он взял Париж, Он основал Лицей» — эти слова поэта наиболее ярко отражают основные достижения Его царствования.

ОНИСИФОР — (1769—1828) церковный и общественный деятель. В миру Онисим Боровик. Окончил Могилевскую духовную семинарию, в 1788 г. рукоположен во священника. В 1789 г. поступил в армейское духовенство и с 1792 по 1813 г. участвовал в походах и сражениях действующей армии. 25.8. 1813 г. пострижен в монашество С 1814 г. — епископ Вологодский и Устюгский. 28. 11. 1827 г. перемещен на Екатеринославскую кафедру, 24. 12. 1827 г. возведен в сан архиепископа. По отзывам современников был необыкновенно духовной, высокоблагочестивой и строго подвижнической жизни. Отличался добротою, доступностью и благотворительностью. Александр I пожаловал его бриллиантовой панагией, которая хранилась в ризнице Софийского собора.

БРУСИЛОВ Николай Петрович — (1782—1849) писатель и государственный деятель. Воспитывался в Пажеском корпусе. С 1796 г. поручик в Московском гренадерском полку. С 1806 г. в отставке. В Отечественную войну служил в ополчении. В 1821—1834 гг. — вологодский губернатор. Выпустил Описание Вологодской губернии (СПБ, 1834), которое удостоилось почетного отзыва Академии Наук. Много сделал для благоустройства г. Вологды. Писатель сентименталист, один из видных деятелей карамзинской эпохи.

МИНИЦКИЙ Степан Иванович, вице-адмирал. С 1823 по 1830 г. — генерал-губернатор Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний и главный командир Архангельского порта. 8 апреля 1830 г. уволен от службы за предосудительные и пользам службы не соответствующие поступки. (Общий морской список, ч. IV, СПБ, 1890 г.)

ВИТУШЕШНИКОВЫ (вариант ВИТУШЕЧНИКОВЫ) — семья вологодских купцов, сыгравших большую роль в хозяйственной и культурной жизни Вологды. Известны были широкой благотворительностью.

Наиболее знаменит ВИТУШЕШНИКОВ Осип Иванович (—), бургомистр, в доме которого останавливался Александр I.

ЕВТИХИАН (Лесте) — церковный деятель, архимандрит. Родом из Нижегородской губернии. Воспитанник первого курса С-Петербургской духовной академии. По окончании оной со степенью магистра был определен в 1814 г. инспектором и профессором богословских наук в Костромскую семинарию. В 1819 г. пострижен в монашество, с 1820 г. ректор Костромской семинарии. В 1821—1833 гг. ректор Вологодской семинарии и настоятель Спасо-Прилуцкого монастыря. В 1833 г. назначен ректором Воронежской семинарии и настоятелем Пинского монастыря, откуда в 1836 г. уволен на покой в Солотчинский монастырь Рязанской епархии, где и скончался.

МЕЛХИСЕДЕК (Золотинский) — (ок. 1788—1845) церковный деятель. В миру Михаил Андреев. Родился в селе Золотихе прихода Христорождественской церкви Новоторжковского уезда. В 1823 г. по окончании курса С.-Петербургской духовной академии со степенью кандидата определен инспектором Вологодской семинарии и учителем философских наук. В 1824 г. посвящен в архимандрита в Спасокаменский Духов монастырь. В конце 1828 г. назначен ректором и учителем богословия в Псковскую семинарию. С 1. 6. 1841 г. — епископ Екатеринбургский, викарий Пермской епархии. Скончался 24. 9. 1845 г.

СЕРАФИМА — в 1822—1839 гг. настоятельница Горнего Успенского женского монастыря. Происходила из крестьянского сословия. После прохождения разных послушаний в монастыре, достигла игуменского звания и пробыла в нем до самой смерти.

НОРДОВ Василий Иванович — (1797—1883) церковный деятель, проповедник. Родился в Великом Устюге, в семье причетника. В 1822 г. окончил Московскую духовную академию и определен ректором Никольского духовного училища. 24. 6. 1824 г. епископом Онисифором произведен в священники Спасообыденной всеградской церкви г. Вологды. 13. 4. 1830 возведен в сан протоиерея. 31. 5. 1833 г. назначен протоиереем Успенского собора в Устюге. С 12. 6. 1841 г. и до конца жизни был настоятелем Вологодского Софийского кафедрального собора.

СКОТТИ — семья живописцев, выходцев из Италии, работавших в Россеии в конце XVIII — начале XIX вв. Наиболее известны:

Петр Иванович (1768—1838) — декоративный живописец, работавший главным образом в манере «гризайль» (т. е. одним серым цветом) в подражание барельефам. Ему принадлежат росписи двух комнат Таврического дворца в Ленинграде (С.-Петербурге).

Дементий Карлович (1780—ок. 1840/45) исторический и декоративный живописец и рисовальщик. Принимал участие в росписи арабесками под бронзу зала в дворце великого князя Михаила Павловича (ныне Русский музей). Большой интерес представляют рисунки Скотти, изображающие эпизоды Отечественной войны 1812 г. К сожалению, роспись плафона в доме Витушешникова не сохранилась. Она погибла в советский период. Г. К. Лукомский еще видел ее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Современное описание этого события было напечатано в С. П. бургских Ведомостях 1824 года; потом оно же, несколько дополненное, помещено в Прибавлениях к Журналу Министерства Народного Просвещения в 1849 году и оттуда перепечатано в Вологодских Губернских Ведомостях того же 1849 года (№ 37), из которых и заимствуем нижеприводимые сведения. Подстрочные примечания принадлежат редакции.

2. Наружность г. Вологды, около 50 лет назад, была в общих чертах почти та же, что и теперь, но в частностях представляла много отличий. Те же 40 каменных церквей возвышались над ее зданиями (впрочем с прибавлением одной деревянной, Борисоглебской, до 1830-х годов существовавшей в нынешнем приходе Благовещения); и прочие каменные здания были почти те же, кроме весьма немногих, но за то в деревянных постройках города было много такого, что напоминало времена до-Петровские: в разных местах, как-то в Колачной улице, по правому берегу р. Золотухи от Винтеровского моста до торговых рядов, в приходах церквей Благовещенской, Николаевской-на Извести, Вознесенской и проч. были десятки старинных домов и домиков с косящатыми и волоковыми окнами и с вычурными крыльцами; улицы между этими домами были до невероятности тесны и неправильны. Бульваров, так много украшающих ныне Дворянскую улицу, тогда еще не было: они устроены, не задолго до прибытия Императора Александра, губернатором Н. П. Брусиловым, в тоже время на соборной горе разведен сад; улица перед кафедральным Воскресенским собором, проходившая дотоле весьма близко от каменной стены, окружающей архиерейский дом, была расширена до нынешнего ее размера; а к самому зданию этого собора был с южной стороны приделан, для встречи Державного Гостя, парадный вход, украшенный четырьмя колоннами и фонтаном. К тому же времени был окончен постройкой, близ московской заставы, Тюремный замок.

3. В г. Грязовце Государь прибыл прямо к собору, где встречен был протоиереем с крестом и св. водой, уездным предводителем дворянства Пасынковым, всеми чиновниками, дворянами и гражданами. Оттуда изволил прибыть в квартиру, назначенную в доме купца Гудкова, где изволил кушать чай. Здесь, по воле Государя, представлены были Его Величеству: уездный предводитель дворянства, чиновники, дворяне и купечество. Государь изъявив предводителю дворянства, Высочайшее благоволение за устройство дорог, хозяйке дома пожаловал бриллиантовый перстень.

4. Домик этот в настоящее время уже не существует.

5. В то время иконостас и солейное место отделялись от храма деревянной решеткой и устройство собора было несколько иное, чем ныне; иконостас был старинной формы; над аркой, ведущей в храм, существовали хоры, а у левого клироса на стене была проповедническая кафедра.

6. Предание говорит, что приближаясь к собору, Государь велел остановить экипаж, чтобы лучше прислушаться к звону соборной колокольни, который показался ему необыкновенно стройным. Действительно, многие колокола на этой колокольне, при епископе Иосифе Золотом, были, по словам старожилов, взяты с разных колоколен и звуки их «подобраны по камертону».

7. В Спасоприлуцком монастыре, в келиях настоятеля, удостоились внимания и одобрения Государя некоторые картины, написанные монастырскими живописцами существовавшей в обители в XVIII столетии живописной школы, в особенности—портрет Митрополита С. Н. бургского Гавриила; обручение Сарры с Товией; свидание Александра с Диогеном и некоторые другие. См. Описание Спасоприлуцкого монастыря, соч. Н. Савваитова, издан. в 1844 г.

8. На эти 5.000 рублей и построены нынешние двухэтажные каменные келии настоятельницы обители.

9. В 1655 году, по случаю свирепствовавшей в г. Вологде и ее окрестностях моровой язвы, вологжане, для утоления праведного гнева Божия, ночью на день 18 октября общими силами соорудили и в тот же день освятили церковь во имя Всемилостивого Спаса. С того дня язва прекратилась. В память этого чудного события, в Вологде 18 октября издревле совершается всеградское празднество.

10. Эту литургию, вместе с преосвященным Онисифором, совершали: ректор семинарии Спасоприлуцкий архимандрит Евтихиан, инспектор семинарии Духовский архимандрит Мельхиседек, кафедральный протоиерей Виктор Иванович Венский и местный (за три месяца пред тем определенный и рукоположенный) священник Василий Иванович Нордов, (нынешний протоиерей вологодского кафедрального собора).

11. Преподобного Димитрия Прилуцкого и благоверного князя Игнатия.

12. Во время пребывания в Архангельске (июль 1819 г.) Государь неоднократно встречался с А. Ф. Клокачевым, который был военным губернатором Архангельской губернии с 1813 по 1823 год. Скончался он в Вологде 02. 01. 1823 года. По завещанию от его имени получено было 1.500 рублей ассигнациями, или 428 рублей 57 коп. серебром в пользу монастыря и братии.

13. «Записки», повидимому, принадлежат одному из тогдашних дворян, занимавшихся в Вологде служебное положение по выборам от дворянства. Фраза «уличив свободную минуту»... ясно указывает на то, что составитель обязан был участвовать во всех церемониях, вызван-

ных приездом Государя. Словесная форма, в какой передаются события, позволяет думать, что «записки» есть ничто иное, как длинное письмо, которые так хорошо писали наши предки, — служило горожанина-дворянина своему приятелю или родственнику в деревню.

14. Дом бургомистра, первой гильдии купца Витушешникова, владельца сахарных заводов и соляных приисков, коммерции советника; — ныне Вологодская Губернская Земская Управа. Дом Витушешникова был построен в 1822—1823 годах двухэтажным, нынешний третий этаж надстроен недавно. К приезду Государя, о котором знали, готовились заранее. Для расписывания плафонов в доме, спешно вызвали из Петербурга знаменитого тогда художника П. И. Скотти, (Пиетро Скотти 1768—1838), который и расписал, повидимому, один потолок (теперешний кабинет председателя управы).

15. Повидимому, был ремонт в доме.

16. Тюремный замок был окончен постройкой незадолго до приезда Государя.

17. Брусилова.

18. Брянчанинова, жена Н. И. Брянчанинова, состоявшего в звании предводителя дворянства с 1820 по 1826 год. Портрет Брянчанинова находится среди других портретов предводителей дворянства, висящих в Вологодском Двор. Собрании.

19. Витушешникова, урожденная Ягодникова.

20. В Вологодском Двор. Собрании в большом зале прибита на стене мраморная доска, по которой золотыми буквами вырезано: «Император Александр I, во время пребывания своего в Вологде 14 октября 1824 года, удостоил присутствием своим данный в доме сем вологодским дворянством бал и изволил выразить удовольствие в следующих словах: «Все мною виденное в Вологде далеко превзошло мое ожидание».

Дата 14 октября не верна. Государь только вечером 15 октября приехал в Вологду, 14 октября он был в Грязовце. Бал мог быть следовательно не ранее 16 октября. См. СПБ. Ведомости за 1824 год, № 89 (ноябрь), а также книгу Н. Брусилова «Описание Вологодской Губернии» СПБ. 1833 г., стр. 19.

21. Император Александр Павлович был страстным любителем зодчества, много строил в своей жизни, так что, по праву, сооружения его царствования должны называться построенными в стиле «Александровского классицизма». Н. П. Брусилов разделил его страсть к зодчеству. Брусилову Вологда обязана насаждением классических традиций зодчества. Затеянный Александром разговор с Брусиловым об отстройке Москвы, таким образом, является очень характерным. Разговор приятен был Брусилову, а у Александра было положительное нетерпение доставлять людям на словах приятное.

22. Некоторая неточность. Государь сказал, что «он ни в одном губернском городе не был так долго на бале, как в Вологде». С.-Петербургские Ведомости за 1824 год, № 89 (ноябрь).

23. Так называемый, Лукин день. Празднование установлено несколько веков назад. В 1654 году в Вологде была страшная «моровая язва». Устрашенное население, по единодушному стремлению, в одну ночь воздвигло небольшой храм, названный Спасом Обыденным. Местный летописец оставил нам жуткую и поэтическую картину этой ночи: «Начали рубить в 6 часу ночи, а клали со светочи и зажигали скалы на батогах, светили светло; а срубили за два часа до дни; а святить начали в пятом часу дни».

Доныне у Спаса Обыденного каждодневно на 18 октября бывает ночное моление.

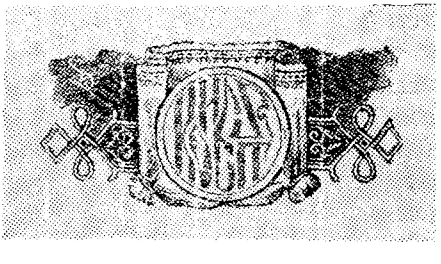
24. Император Александр имел огромное количество крестников и крестниц. «Крестить» было положительно его страстью. Любопытно по этому поводу привести письмо Пушкина к Плетневу от 7 января 1831 года, в котором, сообщая Плетневу о «дерзком» приглашении Николая Первого С. Глинкой в кумовья, Пушкин писал: «Нащокин уверяет, что всех избаловал покойник Царь (Александр Первый), который у всех крестил ребят».

25. У наследников купцов Витушешниковых хранится до сих пор небольшой карельской березы столик (Екатерининской поры), обложенный по краю тонким серебряным ободочком, на коем вырезано, что этот столик находился у кровати Александра Первого. В семейных преданиях разсказывается, что Государь поздней ночью, ложась спать, случайно оперся на столик и, заметив, как тот заковылялся, попросил пилу и собственноручно немного опилил одну ножку.

Недавно столик был выставлен в Петровском домике в Вологде (Петровский домик-музей основан в честь кратковременного в нем пребывания Великого Императора Петра, при проездах его на Архангельские верфи в 1692—1724 гг. Петр в Вологде был пять раз). Губернское земство, ведающее домиком и собирающее туда самые разнообразные вещи, покупало исторический столик у владельцев, но покупка не состоялась, так как владельцы в последний момент не пожелали растаться с интересной реликвией.

26. На этом заводе вываривалось в год 11 тысяч пудов (176 тн) рафинада.

27. В нашей исторической литературе сложилась дурная традиция, изображать царем-тружеником только Петра 1. Надо заметить, что никто из русских Царей не чурался физического и ручного труда. Поэтому случай с подравниванием ножек у столика не должен восприниматься как какое-то чудачество или каприз Царя. Скорее, он свидетельствует об умении Венценосца владеть столярным инструментом. В дополнение к сказаному нужно привести тот факт, что будучи в 1819 г. в Архангельске, Государь во время закладки нового 44-х пушечного фрегата «Меркурий», мазал смолой и вбивал болты в киль судна. Примеру его последовали и прочие особы, при спуске фрегата находившиеся. Чем не картина в духе эпохи Петра I?

ИСТОЧНИКИ СОЗДАНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

1. Большая Советская энциклопедия, 1 изд., М., 1945, т. 51
2. Н. П. Брусилов, Воспоминания, Исторический вестник, 1893 г., т. 52
3. И. В. Евдокимов, Провинция в Александровские дни, Петроград, 1916 г.
4. Исторический анекдот... Вологодские епархиальные ведомости (ВЕВ) 1893, № 8
5. Красный Север, 13. 10. 1989 г.
6. Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, СПБ, б/г. тт. 1.8.
7. В. И. Нордов, Некролог, ВЕВ, 1883 г., № 21
8. Описание Вологодского кафедрального Софийского собора, составленное Н. Суворовым, М., 1863 г.
9. Описание Вологодского Спасокаменского Духова монастыря, составленное П. Савваитовым, исправл. и дополнено Н. Суворовым, Вологда, 1912 г.
10. Описание Вологодского Спасоприлуцкого монастыря, составленное П. Савваитовым, исправл. и дополнено Н. Суворовым, Вологда, 1902г.
11. С. Ф. Огородников. Пребывание Императора Александра I в Архангельске, Русская старина, 1893 г., т. 77
12. Русские православные иерархи с 992 по 1892 годы. Часть VI. Никон-Симон, Куйбышев, 1971 г.
13. Н. И. Суворов, О пребывании в Вологде Царственных особ и других замечательных лиц исторических, ВЕВ, 1867 г., № 10
14. Успенский женский монастырь в г. Вологде, Вологда, 1899 г.